

The background of the cover is a detailed illustration of a stone-walled interior. On the left, a bronze statue of a Roman soldier stands on a pedestal, holding a flaming torch. The wall is made of large, rough-hewn stones. To the right, a dark wooden door is slightly ajar, revealing a bright, blue, ethereal light from the other side. A colorful, patterned rug leads from the foreground towards the doorway. The overall atmosphere is mysterious and ancient.

Валерий Антонов

**Командировка
задним числом.
Книга 1. Тени Аида**

Валерий Антонов

Командировка задним числом. Книга 1. Тени Аида

<https://litres.ru/74311379>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аспиранта-физика Антона Пыжикова вызывают в деканат и будничным тоном отправляют в командировку. Куда? В Македонию. Когда? В IV век до нашей эры. Зачем? Передать Аристотелю папирус, отметить у засланного туда год назад сотрудника и вернуться обратно. Ничего особенного — просто рутинная работа Отдела Времени и Реальностей.

Но Антон не обычный аспирант. Десять лет назад его отец погиб в том же македонском узле при загадочных обстоятельствах. И теперь, оказавшись в Пелле, Антон понимает: его командировка — не случайность. Царь Филипп, вооруженный электрошокерами из будущего, ищет настоящее оружие. Александр, еще не великий, но уже опасный, заглядывает в бездну чужой веры. А где-то в институте, на Верхних этажах, сидит человек, который убил его отца — и теперь дергает за ниточки, стягивая прошлое и будущее в смертельную Воронку. Антону предстоит не просто выжить — ему предстоит выбрать,

чью сторону принять в войне, которая еще не началась, но уже грозит уничтожить реальность.

Содержание

Пролог	5
Часть первая: ОТБЫТИЕ Глава 1. Инструктаж	9
Глава 2. Точка перехода	23
Глава 3. Мамаев	35
Глава 4. Стагирит	42
Часть вторая: ХОЗЯЙСТВО ЦАРЯ	53
Глава 5. Плохое настроение Филиппа	53
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Командировка задним числом. Книга 1. Тени Аида

Пролог

За десять лет до начала событий

Виктор Пыжиков знал, что умрет.

Он понял это не в тот момент, когда заметил слезку, и не тогда, когда нашел первую записку без подписи. Он понял это здесь — в подвале исторического факультета, у двери, которая вела в винную лавку в Пелле. Дверь была закрыта. Портал не работал.

— Опять отошел, — сказал Кузьма Ефимович, протирая очки. — Ты бы подождал до завтра, Виктор. Комиссия соберется, подпишут допуск...

— Комиссия собирается уже месяц. — Виктор говорил спокойно, но внутри у него все кипело. — За это время Филипп успел разбить иллирийцев и фракийцев. За это время Александр подрос на палец и выучил наизусть Гомера. За это время кто-то — кто-то из наших — уже дважды пересекал портал без санкции. Я знаю. Я видел следы.

Кузьма Ефимович перестал протирать очки.

— Какие следы?

— В комнатах подарков. Там лежит новая партия. Не на-

ша. Мы такого не поставляем. Стальные наконечники, которых не может быть в четвертом веке. Арбалетные болты. Кто-то торгует оружием, Кузьма. И этот кто-то сидит здесь. Наверху.

Кузьма Ефимович долго молчал. Он знал, что Виктор прав. Знал — и ничего не делал. Потому что боялся. Боялся потерять место, должность, доступ. Боялся, что его, старого бюрократа, сомнут и выбросят, как мусор. Он не был героем. Он был завхозом. И он надеялся, что все рассосется само.

— Ты уверен, что хочешь туда идти? — спросил он наконец.

— Уверен.

— Там сейчас беспокойно. Филипп вернулся из похода злой. У него опять болит бедро. И еще — он знает. Знает, что есть другие. Те, что с севера, с оружием. Он ищет с ними встречи.

— Тем более я должен успеть раньше.

Кузьма Ефимович вздохнул, поправил очки и подошел к стене. Достал из кармана амулет — старый, потертый, с янтарной бусиной на кожаном шнурке.

— Держи. Это запасной. Мой личный. Если портал не откроется — попробуй этот. Только...

— Что?

— Не доверяй никому. Даже мне.

Виктор взял амулет. Бусина была теплой на ощупь и слегка пульсировала. Он надел его на шею и повернулся к двери.

Она дрогнула, пошла рябью, и в проеме открылась тьма — плотная, осязаемая, дышащая холодом и озоном.

— Виктор, — окликнул его Кузьма Ефимович. — Зачем тебе это? У тебя сын. Жена. Работа. Ты же можешь просто закрыть глаза. Как все. Как я.

Виктор обернулся. Его лицо было спокойным, но глаза горели — тем самым огнем, который бывает у людей, принявших решение.

— Потому что я историк, — сказал он. — А историк не может закрыть глаза на то, что кто-то переписывает прошлое. Потому что прошлое — это не просто то, что было. Это то, что мы есть. Если мы потеряем прошлое, мы потеряем себя. Я не хочу, чтобы мой сын вырос в мире, который ничего не помнит.

Он шагнул во тьму.

Кузьма Ефимович остался в подвале один. Он стоял и смотрел на дверь, которая снова стала просто стеной. В коридоре мигала лампа — размеренно, как метроном. Где-то наверху заседала комиссия. Где-то еще выше человек без лица просматривал сводки и улыбался.

Старик поправил очки и пошел к выходу.

Он сделал свой выбор. Он выбрал молчание.

Через три дня тело Виктора Пыжикова нашли в горах к северу от Пеллы. Пальцы были сломаны. Глаза открыты. В кулаке он сжимал клочок папируса с единственным словом: «Александр».

Кузьма Ефимович узнал о смерти друга из докладной записки с грифом «Секретно». Он прочитал ее дважды, аккуратно сложил в папку и убрал в ящик стола. Потом снял очки и долго сидел, глядя в стену.

Он ничего не сказал следствию. Не сказал вдове. Не сказал сыну.

Он просто продолжал работать. Подписывать бумаги. Готовить командировочные листы. Делать вид, что ничего не знает. Потому что говорить правду было опасно. Потому что тот, кто убил Виктора, все еще сидел на Верхних этажах. И он мог убить снова.

Кузьма Ефимович выбрал молчание.

Но он запомнил.

Он запомнил все. Кто подписывал приказы. Кто закрывал глаза на контрабанду. Кто наживался на крови. Он запомнил — и ждал. Ждал десять лет. Ждал, пока сын Виктора вырастет и придет к нему в кабинет с тем же вопросом, который когда-то задал отец.

И когда этот день настал, старый бюрократ понял: пришло время платить по счетам.

Часть первая: ОТБЫТИЕ

Глава 1. Инструктаж

Антон Пыжиков никогда не любил деканат.

Дело было даже не в запахе — хотя запах, безусловно, играл роль. В деканате пахло так, будто здесь десятилетиями хранили подшивки старых приказов, перекладывая их нафталином и высушенными корками мандаринов, а потом забыли проветрить. К этому примешивался аромат казенных чернил — спиртовых, едких, — мастики для пола, которой натирали коридор раз в год, и едва уловимый душок пыли, скапливавшейся на картонных папках с надписью «Дело №».

Антон, как аспирант-теоретик, мог бы придумать этому запаху научное объяснение — например, «смесь летучих ароматических соединений с преобладанием нафталиновых и фенольных компонентов», — но предпочитал называть его проще: «запах вечности». Так же пахло в кабинете отца.

Отец.

Он поймал себя на этой мысли и мысленно одернул: *«Запись номер один. Прекратить. Не думать об отце. Он здесь ни при чем. Ты пришел в деканат, потому что тебя вызвали. Обычное дело. Бумаги. Подписи. Ничего особенного».*

Это был его способ справляться с реальностью — мысленный дневник. Он начал вести его в десять лет, через месяц

после смерти отца. *«Запись номер один: папа не вернулся из экспедиции. Мама плачет. Я не плачу. Я записываю».* С тех пор он фиксировал все — события, разговоры, запахи, детали. Это помогало. Это держало его на плаву, когда мир вокруг рассыпался. Это давало иллюзию контроля — хотя бы над собственной памятью, если не над реальностью.

Здание физического факультета, в котором он учился уже шестой год — бакалавриат, магистратура, теперь вот аспирантура, — было построено в конце семидесятых и с тех пор ни разу не видело капитального ремонта. Стены цвета больницы, линолеум с протертыми до бетона дорожками, лампы дневного света, которые гудели и подмигивали.

Одна из них, та, что у лестницы на третий этаж, мигала с тех самых пор, как Антон впервые пришел сюда пять лет назад, — длинная, в облупленном плафоне, она то загоралась, то гасла с равномерностью метронома. Студентом он думал, что ее починят к сессии. Не починили. К защите диплома — тоже. К поступлению в аспирантуру лампа все так же мигала, и Антон вдруг понял, что в этом есть какой-то странный уют. Все менялось: преподаватели уходили на пенсию, студенты выпускались, учебные планы переписывали, — а лампа оставалась. Она была единственной константой в мире, где даже прошлое, как он знал по опыту, может исчезнуть.

«Запись номер два, — отметил он мысленно. — Лампа все еще мигает. Пять лет. Это рекорд. Надо будет занести в Книгу Гиннеса, если она еще существует».

Он усмехнулся про себя. Книга Гиннеса существовала. По крайней мере, вчера еще существовала. В этом мире ни в чем нельзя быть уверенным до конца.

Он прошел по коридору, сопровождаемый мерным подмигиванием лампы, и остановился у двери с табличкой «Зам. декана по АХЧ Кузьма Е.В.». Табличка была старая, с выцветшими золотыми буквами, и висела криво. Под ней кто-то прилепил скотчем бумажку: «Прием по личным вопросам: вторник, четверг, 15:00–16:00. С командировочными предписаниями — в любое время». Это «в любое время» всегда казалось Антону зловещим. Оно означало, что от командировки не отвертеться.

Он постучал.

— Войдите! — голос из-за двери был сухой, как шорох бумаги.

Кабинет Кузьмы Ефимовича был маленьким, но вмещал в себя целую вселенную. Вдоль стен высились стеллажи с папками — не черными, как в кино про шпионов, а самыми обычными, картонными, с тесемками. На каждой папке — номер, год, гриф. На столе — пишущая машинка «Ятрань» (Кузьма Ефимович не доверял компьютерам: «Электроника ломается, а бумага — она вечная»), стакан с карандашами, лампа с зеленым абажуром и бронзовая пепельница в виде фигурки неизвестного античного бога — Антон однажды пытался определить, Зевс это или Посейдон, но бог был без атрибутов, просто бородатый мужик с гнев-

ным лицом, и в пепельницу ему бросали скрепки.

Сам Кузьма Ефимович сидел за столом и перебирал какие-то ведомости. Это был сухонький старик лет шестидесяти с седым бобриком волос, в сером костюме, который был ему слегка великоват (Кузьма Ефимович сох с годами, но костюм менять не любил — «еще поносит»). Очки на цепочке лежали на груди. Пальцы у него были тонкие, с аккуратно подстриженными ногтями, но вечно в чернилах — он имел привычку заправлять авторучку сам, и чернила подтекали.

— Садись, Пыжиков, — сказал он, не поднимая головы.

Антон сел на стул для посетителей. Стул был жесткий, с прямой спинкой, явно рассчитанный на то, чтобы посетитель не расслаблялся. Антон на таких стульях сидел уже много раз — когда подавал документы в аспирантуру, когда отмечал сдачу кандидатского минимума, когда писал объяснительную за сломанный лабораторный стенд (стенд сгорел сам, но это нужно было еще доказать). Однако сейчас Кузьма Ефимович как-то особенно долго не поднимал головы, перебирая бумаги, и это Антону не нравилось.

Он поднял глаза к потолку. Здесь, в кабинете, лампы не мигали. Здесь все было стабильно. Здесь был порядок. Бумажный, пыльный, но порядок.

«Запись номер три. Объект: Кузьма Ефимович. Возраст: около шестидесяти пяти. Состояние: усталое, но контролируемое. Настроение: неизвестно. Причина вызова: неизвестна. Уровень тревоги: умеренный».

— Кузьма Ефимович, — не выдержал он. — Меня вызывали?

— Вызывали, Пыжиков, вызывали. — Замдекана наконец поднял глаза. Они у него были блекло-голубые, как выгоревшая бумага, и смотрели на Антона с каким-то странным выражением — не то с сочувствием, не то с усталым безразличием, не то с чем-то еще, чего Антон не мог разобрать. — У тебя как с диссертацией?

— Пишу, — осторожно ответил Антон. — Третья глава. Там гравитационные флуктуации в кварк-глюонной плазме, я моделирую на суперкомпьютере...

— Это хорошо, — прервал его Кузьма Ефимович. — Это очень хорошо, что пишешь. А практика у тебя была?

— Какая практика? — не понял Антон. — Я теоретик. У нас по плану только педагогическая...

— Педагогическая — это само собой. — Кузьма Ефимович открыл ящик стола и вытащил оттуда папку. Папка была пыльная, с надписью «ОВиР (Отдел Времени и Реальностей)». Личные дела командированных». — Я тебя, Пыжиков, вот зачем вызвал. С понедельника, — он заглянул в папку, — нет, с понедельника уже не получается. С понедельника у нас согласование с бухгалтерией. Давай со вторника. Со вторника на один день отбываешь в командировку.

— Куда? — спросил Антон, хотя уже чувствовал, что ответ ему не понравится.

— В Македонию, — буднично сказал Кузьма Ефимович.

— Четвертый век до нашей эры. Город Пелла. Встретишься с Аристотелем, передашь ему папирус. Только перед этим найдешь нашего сотрудника Мамаева, он там уже больше года, он тебе командировочный лист отметит. И не забудь при отбытии тоже отметить — иначе командировка не зачтется.

Он произнес это так, как будто речь шла о поездке в соседний корпус. *«Зайдешь в лабораторию, передашь образец, не забудь расписаться в журнале».*

Антон открыл рот. Закрыл. Открыл снова. В голове у него пронеслось несколько вещей одновременно. *Македония. IV век до н.э. Аристотель. Пелла. Отец погиб в экспедиции в Грецию. Официальная версия — сердечный приступ. Неофициальная — никто не знает. Отец занимался античностью. Отец работал на ОВиР.*

«Запись номер четыре. Тревога: максимальная. Тема: Македония. Совпадение: не случайное. Отец: возможно, знал. Кузьма Ефимович: знает наверняка. Вопрос: почему я?»

— Кузьма Ефимович, — сказал он, тщательно подбирая слова, — я, конечно, понимаю, что у нас не совсем обычный институт... но какого черта?!

Последние слова вырвались раньше, чем он успел их проглотить.

Кузьма Ефимович вздохнул — так вздыхает человек, которому каждый аспирант задает один и тот же вопрос.

— Пыжиков, ты на кафедре теоретической хронофизики.

Ты что думал, это чистая теория? Что мы тут уравнивания на доске пишем и диссертации в стол? У нас практические задачи. Ты же сам подписывал допуск, когда в аспирантуру поступал.

— Я подписывал допуск к работе с источниками ионизирующего излучения! — возмутился Антон. — И к сверхвысоким частотам! Про хроносдвиг там ничего не было!

— Было, — спокойно возразил Кузьма Ефимович. — Пункт четырнадцать дробь бис. Мелким шрифтом в приложении номер три. «Согласие на участие в полевых исследованиях Отдела Времени и Реальностей». Ты думал, это формальность? — Он вздохнул еще раз, на этот раз почти потечески. — Все так думают. А потом удивляются.

Он вытащил из папки несколько листов и разложил перед Антоном.

— Смотри сюда. Это командировочное предписание. Это инструкция для командированных в македонский узел. Это памятка по маскировке. Это список того, что брать с собой нельзя. Это — что можно. Это — список того, что рекомендуется, но необязательно. Ознакомься, распишись.

Антон тупо смотрел на бумаги. В голове у него не укладывалось. Хроносдвиг? Полевые исследования? Это же теория! Он занимался уравниваниями! Он моделировал кварк-глюонную плазму! Какая Македония? Какой Аристотель?

Но под этим всем, под возмущением и растерянностью, билась другая мысль — холодная, острая, как осколок стек-

ла. Отец был там. Отец знал. Кузьма Ефимович знает, что случилось с отцом. И он посылает меня туда же.

— Почему я? — спросил он.

Кузьма Ефимович поднял глаза. На секунду — буквально на долю секунды — в его блеклом взгляде мелькнуло что-то. Не сочувствие. Не раздражение. Что-то другое. Может быть, память.

— Потому что ты аспирант, — сказал он. — У тебя стипендия повышенная. Отрабатывай. Кроме того, — он понизил голос, — там сейчас сложная ситуация. Мамаев, которого мы туда послали, перестал выходить на связь. То есть он выходит, но доклады у него... невразумительные. Надо проверить, что там происходит. А ты парень толковый, диссертацию пишешь, с компьютером на «ты»...

— Мой отец тоже был толковый, — сказал Антон.

Тишина. Лампа на столе чуть слышно гудела. За стеной кто-то прошел по коридору — шаги стихли. Кузьма Ефимович смотрел на Антона, и лицо его вдруг стало старше. Намного старше.

— Твой отец, — медленно произнес он, — был одним из лучших. Я знал его. Мы вместе начинали. — Он замолчал, как будто решая, говорить ли дальше. Потом продолжил, тщательно подбирая слова: — Он погиб при исполнении. Это все, что я могу тебе сказать.

— При исполнении чего? Он был историком. Он изучал античные тексты. Какое исполнение?

— Пыжиков, — Кузьма Ефимович снял очки и устало потер переносицу, — я не могу ответить на этот вопрос. Не сейчас. Может быть, когда вернешься. А пока — читай инструкцию и расписывайся. У меня через полчаса совещание в ректорате.

Антон хотел возразить, но понял: бесполезно. Он взял бумагу и начал читать.

Инструкция была напечатана на пожелтевшей бумаге, видимо, еще на той же «Ятрани». Шрифт прыгал, некоторые буквы западали, но текст был разборчив.

«Инструкция для командированных в македонский узел (IV в. до н.э., г. Пелла).

1. Общие положения. Командированный обязуется соблюдать маскировку, не вмешиваться в ход исторических событий и не разглашать информацию о своем происхождении.

2. Одежда. Выдается со склада ОВиРа: хитон (шерстяной — 1 шт., льняной — 1 шт.), хламида (1 шт.), сандалии (1 пара), амулет-переводчик (1 шт., базовый древнегреческий, без аттического диалекта). Категорически запрещается носить часы, очки в пластиковой оправе, обувь на резиновой подошве, одежду с застежками-молниями и синтетические ткани.

3. Язык. Амулет-переводчик обеспечивает понимание древнегреческого (койне) на уровне носителя со средним образованием. Внимание: амулет не переводит аттические

диалекты, македонский говор и фракийские наречия. В случае необходимости используйте жесты.

4. Контакты. По прибытии найти старшего научного сотрудника Мамаева В.С. и отметить у него командировочный лист. При отбытии — отметка в точке перехода. Без обеих отметок командировка считается недействительной, возврат не гарантируется.

5. Экстренные ситуации. В случае встречи с царем Филиппом II — избегать контакта. Царя в городе быть не должно. Он отбыл с инспекцией в Фивы. Если царь по какой-то причине вернулся раньше срока — см. пункт 6.

6. Пункт 6 утратил силу согласно приказу № 47-б от 12.03.1987 г.

7. Запрещается проносить на территорию македонского узла: огнестрельное оружие, взрывчатые вещества, литературу по теории эволюции, учебники по металлургии, схемы паровых двигателей, антибиотики в любом виде, а также любые предметы, способные вызвать технологический сдвиг. Нарушители будут привлечены к ответственности по статье 14-бис Положения о хроно-регулировании».

Антон дочитал. Поднял глаза на Кузьму Ефимовича.

— Пункт шесть утратил силу в восемьдесят седьмом году. А что там было?

Кузьма Ефимович посмотрел на него долгим взглядом.

— Там было описание того, что делать, если царь вернулся раньше срока, — сказал он. — Но тот, кто его писал, сам

не знал. Поэтому пункт отменили. Теперь каждый решает на месте. — Он помолчал. — Твой отец был там, когда пункт еще действовал. Это все, что я могу сказать. Расписывайся.

Антон расписался в трех местах. Кузьма Ефимович убрал бумаги в папку и встал.

— Теперь пойдем, — сказал он. — Выдам тебе снаряжение.

Они вышли из кабинета, прошли по коридору, спустились на цокольный этаж. В коридоре, у лестницы, все так же мигала лампа — размеренно, как метроном, как сердце, как напоминание о том, что ничто не меняется. Антон остановился на секунду, глядя на нее.

«Запись номер пять. Лампа все еще мигает. Отец, возможно, видел ее тоже. Когда шел на свою последнюю командировку. Интересно, о чем он думал? Знал ли он, что не вернется?»

— Пыжиков! — голос Кузьмы Ефимовича донесся с лестницы. — Ты идешь?

— Иду, — сказал Антон.

Он бросил последний взгляд на лампу и пошел вниз.

На складе ему выдали хитон — серый, шерстяной, колючий. Сандалии — на размер больше, но Кузьма Ефимович сказал, что разносятся. Хламиду — темно-синюю, с пятном на плече. И амулет — янтарную бусину на кожаном шнурке. Бусина была теплой на ощупь и слегка пульсировала.

— Не снимай, — сказал Кузьма Ефимович. — Нигде. Ни-

когда. Даже когда спишь.

— Я помню, — сказал Антон. — Отец говорил то же самое.

Кузьма Ефимович замер на секунду, держа в руках очередной хитон. Потом медленно положил его на стеллаж.

— Твой отец был хорошим человеком, — сказал он тихо. — И хорошим ученым. Он не должен был погибнуть. Но... — Он замолчал.

— Но? — Антон шагнул ближе. — Но что?

— Но это не мне тебе рассказывать. — Кузьма Ефимович повернулся к нему. — Возвращайся, Пыжиков. Сделай дело и возвращайся. А там — поговорим. Может быть.

Антон хотел надавить, но понял: не сейчас. Не так. Он взял сверток с одеждой и вышел.

В коридоре все так же мигала лампа. Антон шел мимо нее, и ему казалось, что он идет по кругу. Пять лет назад — студент. Сейчас — аспирант. Лампа та же. Деканат тот же. Кузьма Ефимович тот же.

И где-то там, в прошлом, которое было не просто историей, а реальностью, его ждала Македония. Филипп. Аристотель. Тайна, которая убила отца.

«Запись номер шесть. Командировка в Македонию. Возможно, это ловушка. Возможно, это шанс. В любом случае — назад дороги нет. Отец, я иду. Надеюсь, ты меня слышишь».

Антон вышел из института в сумерки. Октябрьский ве-

тер гнал по асфальту желтые листья. Горели фонари. Студенты спешили к метро, кутаясь в куртки. Кто-то смеялся, кто-то ругался по телефону. Над входом в общагу висел плакат: «Научная конференция по квантовой хромодинамике. Приглашаются все желающие». Жизнь шла своим чередом.

Антон стоял на крыльце, сжимая в руках сверток с хитом и сандалиями, и пытался осознать, что только что произошло. В понедельник — нет, во вторник — он должен отправиться в четвертый век до нашей эры. Встретиться с Аристотелем. Передать какой-то папирус. Отметиться у спившегося сотрудника Мамаева. И вернуться обратно. Ни во что не вмешиваться. Филиппа там быть не должно.

«Филиппа там быть не должно».

Эта фраза почему-то пугала его больше всего. Как будто Кузьма Ефимович не был уверен. Как будто царь мог вернуться раньше срока.

И еще — отец. Кузьма Ефимович знал. Знал и молчал. Но теперь у Антона была зацепка. Македония. Пелла. Точка перехода. Где-то там, в прошлом, скрывалась правда.

Он поежился и пошел к метро.

Всю дорогу до дома он думал о том, что надо бы купить путеводитель по Древней Греции. Или хотя бы скачать что-то на телефон. Хотя какой телефон — там же нет розеток.

Дома он развернул хитон, примерил его перед зеркалом и долго смеялся. Потом перестал смеяться. Потом вспомнил, что амулет надо беречь как зеницу ока, и повесил его на шею,

под свитер. Бусина все еще была теплой.

Он лег спать, но долго не мог уснуть, глядя в потолок и слушая, как шумит ветер за окном. В голове крутилась одна и та же мысль: «Царя в городе быть не должно».

И еще одна, тише: «Отец, что с тобой случилось?»

Где-то в другом мире, в другом времени, за две тысячи триста лет до этой ночи, царь Филипп II Македонский, хро-мая и бранясь, возвращался в Пеллу. Визит в Фивы сорвался из-за плохих предзнаменований — жрецы нашли пятна на печени жертвенного барана. Филипп был зол, у него бо-ле-ла старая рана на бедре, и он предвкушал, как завтра утром примется за дела.

Он еще не знал, что именно завтра в его городе появятся двое чужаков из далекого будущего. Один — с папирусом для его бывшего наставника. Второй — с командой вернуть-ся любой ценой.

И оба они не знали, что их судьбы уже переплелись с судь-бой человека, который умер десять лет назад, но чья тень все еще висела над ними.

Но это уже совсем другая история.

Глава 2. Точка перехода

Понедельник прошел как в тумане. Антон честно попытался работать над диссертацией — открыл файл с третьей главой, уставился на графики кварк-глюонных флуктуаций, — но строчкиплыли перед глазами, а мысли были далеко. В Македонии. В четвертом веке до нашей эры. В компании Аристотеля и неизвестного Мамаева.

Он все-таки скачал путеводитель по Древней Греции. Прочитал раздел про Пеллу. Узнал, что город был столицей Македонии, что там был царский дворец с мозаичными полами, что население составляло около десяти тысяч человек. Десять тысяч человек — и среди них он, аспирант-теоретик в колючем хитоне и сандалиях, которые он еще даже не успел разносить.

Вечером он достал выданное снаряжение и разложил на кровати. Хитон, хламида, сандалии, амулет. Все это выглядело бутафорией для студенческого спектакля. Антон снова примерил хитон перед зеркалом. На этот раз он не смеялся. Он попытался представить, как будет выглядеть в этой одежде на улицах древнего города. Получалось не очень.

— Ты куда-то собрался? — спросил сосед по общежитию, Дима, заглядывая в комнату с кружкой чая.

— В командировку, — коротко ответил Антон.

— Куда?

— В Македонию.

— О, круто! — Дима присвистнул. — А где это? На Балканах? У них там сейчас неспокойно вроде...

— В четвертом веке до нашей эры, — добавил Антон.

Дима поперхнулся чаем, но, будучи аспирантом-физиком, быстро взял себя в руки.

— Хроносдвиг? Практика? — спросил он с завистью. — А меня не вызывали.

— Может, еще вызовут, — мрачно пообещал Антон.

Утром во вторник он стоял у служебного входа исторического факультета. Здание истфака было старше физического — постройка тридцатых годов, с колоннами и лепниной, которую уже лет двадцать не реставрировали. Служебный вход находился с торца, в неприметной двери, к которой вела обледенелая лестница. Антон поскользнулся на первой же ступеньке и чуть не уронил сверток с хитомом.

Дверь открыл Кузьма Ефимович. Сегодня он был в том же сером костюме, но при галстукe — видимо, совещание в ректорате все-таки состоялось или еще предстояло.

— Не опаздываешь, — одобрил он. — Это хорошо. Пойдем.

Они спустились в подвал. Здесь было еще холоднее, чем на улице, и пахло не нафталином, а сырой штукатуркой и чем-то кислым — как в старом погребе, где забыли мешок картошки. Стены были выкрашены облупившейся зеленой краской. С потолка свисала голая лампочка на шнуре.

— Точка перехода находится здесь, — сказал Кузьма Ефимович, останавливаясь перед массивной деревянной дверью в конце коридора. — Когда-то это была кладовая для уборочного инвентаря. Потом, в шестьдесят третьем, профессор Безбородько обнаружил здесь хроно-прокол. С тех пор используем.

Он достал из кармана большой железный ключ, вставил в скважину и дважды повернул. Дверь открылась с тяжелым скрипом.

За ней была не кладовая.

За ней была тьма.

Не просто отсутствие света — а какая-то плотная, осязаемая тьма, которая, казалось, колыхалась и дышала. От нее тянуло холодом — но не таким, как на улице, а каким-то внутренним, пробирающим до костей. И запахом. Антон не сразу понял, чем пахнет, а потом узнал: озон. Так пахнет воздух после грозы, когда молния только что ударила рядом.

— Амулет надел? — спросил Кузьма Ефимович.

— Надел.

— Не снимай ни при каких обстоятельствах. Там без него — как без языка. Все, Пыжиков. Иди. Помни про Мамаева, помни про отметку. И постарайся не вмешиваться в исторический процесс.

— А если вмешаюсь? — спросил Антон.

Кузьма Ефимович посмотрел на него долгим взглядом, и в его блекло-голубых глазах мелькнуло что-то, чего Антон

раньше не замечал. Не страх — скорее, знание. Знание человека, который видел последствия.

— Тогда твоя диссертация будет уже неактуальна, — сказал он. — И ты сам тоже. Давай.

Антон шагнул во тьму.

Переход нельзя было описать словами — и Антон, как физик-теоретик, это особенно остро чувствовал. Позже, вспоминая, он пытался подобрать аналогии: «похоже на падение в холодную воду», «похоже на удар током», «похоже на мгновенное засыпание и пробуждение». Но все это было не то.

Сначала была тьма — полная, абсолютная, лишенная даже намека на свет. Потом — холод, который проникал не через кожу, а как будто через саму ткань бытия, добираясь до того, что физики называют «квантовым состоянием». Антон почувствовал, что его тело на мгновение перестало существовать — не умерло, а именно перестало, как будто его разобрали на атомы и собрали заново. И в этот момент — тошнота. Резкая, подкатывающая к горлу, как при сильной качке.

А потом — свет.

Яркий, слепящий, совсем не похожий на тусклую лампочку в подвале истфака. Антон зажмурился и чуть не упал, но успел схватиться за что-то деревянное. Когда он открыл глаза, то увидел, что стоит, вцепившись в винный бочонок.

Это была винная лавка.

Маленькое помещение с глинобитными стенами, земля-

ным полом и низким потолком, подпертым деревянными балками. Вдоль стен стояли амфоры — огромные, в человеческий рост, запечатанные воском и обвязанные веревками. Пахло вином, кислым и терпким, вперемешку с запахом плесени и овечьей шерсти. Где-то рядом, за стеной, кричал осел.

Антон обернулся, чтобы посмотреть на точку перехода. Позади была стена — глухая, без всякой двери. Он пощупал ее рукой. Камень, шершавый, холодный. Никакого портала, никакой темноты. Просто стена.

«Значит, обратно я вернусь только если найду Мамаева и поставлю отметку», — подумал он. Мысль была неприятной.

Из-за занавески, отделявшей лавку от жилых помещений, вышел человек. Он был невысок, коренаст, с седеющей бородой и залысинами на лбу. Одет в грубый шерстяной хитон до колен, подпоясанный кожаным ремнем. На ногах — сандалии, разношенные, с заплаткой на левой.

— Χαίρε, — сказал он. — Τί θέλεις;

Амулет на шее Антона запульсировал, и через мгновение слова стали понятны.

— Здравствуй. Чего желаешь? — перевел амулет. Голос в голове был механический, без интонаций, но перевод был точным.

— Я... Я ищу Мамаева, — сказал Антон.

Амулет завибрировал, переводя его слова на древнегреческий. Хозяин лавки выслушал и кивнул.

— Μαμάεφ? — переспросил он. — Ναι, ξέρω. Αυτός

είναι στον αγγειοπλάστη. Πήγαινε στο τέλος του δρόμου και ρώτα.

— Мамаев? Знаю. Он у гончара. Иди в конец улицы и спроси.

— Спасибо, — сказал Антон, и амулет перевел это как «Ευχαριστώ».

Хозяин лавки смотрел на него с любопытством, но без враждебности. Чужеземцы в Пелле были не редкость — город был столицей, сюда приезжали купцы из Афин, Фив, Фракии и даже из Персии. Одежда Антона (серая шерсть, темно-синяя хламида) не привлекала особого внимания. Разве что сандалии были слишком новыми — это хозяин лавки заметил, но промолчал.

Антон вышел на улицу и замер.

Пелла IV века до нашей эры оказалась совсем не такой, как он себе представлял.

В учебниках Древняя Греция выглядела как вереница беломраморных храмов на фоне синего неба. Реальность была другой. Улица, на которую вышел Антон, была мощеной — да, это правда, — но мостовая была неровной, с выбоинами, в которых стояла грязная вода. Вдоль улицы тянулись дома из сырцового кирпича, оштукатуренные и выкрашенные в тусклые цвета: охра, серый, бурый. Крыши были черепичные, но на многих не хватало черепицы, и дыры были заткнуты тряпками.

Пахло сильно и разнообразно. Антон, привыкший к сте-

рильным запахам институтских коридоров, был оглушен этой какофонией ароматов. Дым от очагов (топят дровами и сушеным навозом), запах жареного лука и чеснока, запах кислого вина, запах овец — где-то рядом было стойло, — запах дубленой кожи из мастерской, запах рыбы с рынка, запах пота немых тел. И над всем этим — запах пыли. Мелкой, вездесущей пыли, которая скрипела на зубах и забивалась в нос.

Было холодно. Антон плотнее закутался в хламиду и порадовался, что не взял льняной хитон. Осеннее македонское солнце светило ярко, но не грело. С гор дул ветер — тот самый, о котором писал путеводитель, — и Антон сразу понял, почему его называли «северным бичом».

По улице шли люди.

Мужчины в таких же хитонах, как у него, только более разношенных. Женщины в длинных пеплосах, с покрытыми головами. Дети, босоногие и чумазы, гоняли палкой обруч. Раб-нубиец с бритой головой тащил на спине амфору. Два воина в коротких хитонах и бронзовых поножах шли, громко переговариваясь и смеясь. У каждого на поясе висел копис — кривой македонский меч.

Никто не обращал на Антона внимания.

Он выдохнул и пошел в конец улицы, как сказал хозяин лавки.

Гончарная мастерская находилась на окраине города, почти у самых стен. Это было приземистое здание с внутрен-

ним двором, где на веревках сушились готовые горшки и амфоры. Во дворе стояла печь для обжига — огромная, круглая, сложенная из кирпича-сырца, сейчас холодная. Гончарный круг — деревянный, с каменным маховиком — стоял под навесом. Рядом валялись комья неразмятой глины, залитые водой.

Пахло здесь мокрой глиной, золой и дымом.

Антон прошел во двор и огляделся. У сарая, примыкавшего к мастерской, сидел человек. Он был в замызганной хламиде, с трехдневной щетиной и мутным взглядом. Перед ним на перевернутом горшке стоял глиняный кувшин и лежала лепешка сыра.

Человек поднял глаза на Антона, и его лицо расплылось в мутной улыбке.

— А, сменщик? — хрипло сказал он по-русски, без всякого акцента, но с отчетливым запахом перегара. — Давай лист.

Это был Мамаев.

— Вы Мамаев? — спросил Антон, хотя уже понял, что да.

— Он самый. Старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, — Мамаев икнул и вытер рот рукавом хламиды. — В миру — Валерий Сергеевич. Но здесь это не имеет значения. Здесь я просто «пьяный чужеземец, который должен гончару за постой».

Он хлебнул из кувшина, поморщился и сплюнул.

— Садись, не стой. Хочешь вина? Местное, македонское.

Густое, как кровь, и пахнет смолой. Но пить можно.

Антон сел на перевернутый горшок и оглядел Мамаева. Это был мужчина лет сорока, но выглядел он старше. Редкие волосы, сальные, прилипшие ко лбу. Глаза красные, с лопнувшими сосудами. Руки дрожали. На шее, под грязной хламидой, виднелся такой же амулет-переводчик, как у Антона, только старый и поцарапанный.

— Вы здесь уже год, — сказал Антон. — Как вы тут... выживаете?

— Плохо, — честно ответил Мамаев. — Очень плохо. Вино здесь дешевое, а жизнь — тяжелая. Греки, знаешь ли, те еще ублюдки. Вежливые, культурные, а ублюдки. Особенно царь.

Антон вспомнил фразу из инструктажа: «Царя в городе быть не должно».

— Царь здесь? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Здесь, — кивнул Мамаев. — Вернулся вчера. Злой как собака. У него там визит в Фивы сорвался, что-то с жертвоприношениями. Он теперь будет сидеть во дворце и изводить всех проверками. — Мамаев снова хлебнул вина. — Так что ты вовремя. Весело будет.

— Мне сказали, его не должно быть, — тупо повторил Антон.

— Ага. А еще мне сказали, что моя командировка — на три месяца. — Мамаев горько усмехнулся. — Год уже сижу.

Отметку поставили, а обратно не пускают. Говорят — «ждите распоряжения».

Он порылся в складках хламиды и вытащил мятый, засаленный лист бумаги. Командировочный лист. Антон увидел знакомый бланк с графами: «Дата прибытия», «Дата убытия», «Отметка принимающей стороны», «Подпись». В графе «Дата прибытия» стояла размашистая подпись и дата — год назад. Графа «Дата убытия» была пуста.

— Бюрократия, — сказал Мамаев. — Вот так и живем. Давай свой лист.

Антон достал командировочное предписание — он держал его во внутреннем кармане, свернутым в трубочку и обернутым в полиэтилен (единственная уступка современности, которую он себе позволил). Мамаев взял бумагу, развернул, присвистнул.

— Ого. К самому Аристотелю. Это тебя Кузьма Ефимыч послал? Узнаю старую лису. — Он вытащил откуда-то огрызок стилоса и восковую табличку. — Ладно, сейчас отметим. Слушай инструктаж.

Мамаев что-то нацарапал на воске, потом переписал на бумагу.

— Значит, так. Аристотель живет не в самом дворце, а в Ликее — это такой пригородный гимнасий, школа то есть. Идти туда примерно час пешком, на северо-восток от города. Найдешь по кипарисовой роще — там кипарисы старые, их видно издалека. Аристотель — мужик умный, но дотош-

ный. Будет задавать вопросы, на которые ты не знаешь ответов. Лучше притворяйся варваром из Фессалии — они там туповатые, с них спрос меньше.

— А папирус? — спросил Антон. — Что в нем?

— А я почему знаю? — Мамаев пожал плечами. — Мое дело — отметку поставить. Но если хочешь совет: не читай. Там наверняка что-то, что тебе знать не положено. Кузьма Ефимыч такие вещи любит.

Он захлопнул табличку и вернул Антону командировочный лист. Теперь в графе «Отметка принимающей стороны» красовалась корявая подпись: «Мамаев В.С.» и дата.

— Все. Теперь иди к Аристотелю. Передашь папирус — и сразу обратно. Не задерживайся. Если Филипп узнает, что в городе чужаки из будущего... — Мамаев провел пальцем по горлу. — Ну, ты понял.

— А вы? — спросил Антон. — Вы не хотите вернуться?

Мамаев посмотрел на него долгим, мутным взглядом. Потом перевел взгляд на свой командировочный лист, на пустую графу «убытие», на грязный двор гончарной мастерской, на кувшин с кислым вином.

— Хочу, — сказал он. — Очень хочу. Но для этого нужно, чтобы кто-то на той стороне подписал бумагу. А они не подписывают. Так что иди. Может, ты вернешься, и тогда... — Он махнул рукой. — Иди давай.

Антон поднялся.

— Спасибо за инструктаж.

— Не за что. — Мамаев снова поднес кувшин к губам. — Слушай, Пыжиков... как тебя там... Антон?

— Да.

— Будь осторожен. Филипп — не просто царь. Он... он чувствует людей. Он смотрит на тебя — и видит насквозь. Если он тебя заметит — беги. Не думай, не спорь, беги. Понял?

— Понял, — сказал Антон.

Он вышел со двора гончарной мастерской и направился к городским воротам.

Солнце уже поднялось выше, но ветер не утихал. Где-то вдалеке, за кипарисовой рощей, его ждал Аристотель — великий философ, учитель Александра, человек, который через две тысячи лет будет стоять на обложках учебников.

А где-то еще дальше, во дворце на акрополе, царь Филипп II Македонский, хромая и бранясь, требовал к себе писчика по имени Гермипп, чтобы проверить, как ведется учет «прикомандированных чужеземцев».

Счет пошел на часы.

Глава 3. Мамаев

Антон не ушел сразу.

Он сделал несколько шагов к выходу со двора, но остановился у груды необожженных горшков, сложенных пирамидой у стены. Что-то не давало ему покоя. Не просто жалость к этому человеку с усталыми глазами и дрожащими руками — хотя жалость тоже была. Скорее, профессиональное любопытство исследователя. И еще — смутное ощущение, что перед ним сидит кто-то, кто знает больше, чем говорит. Перед ним сидел человек, проживший в четвертом веке до нашей эры целый год. Никто из историков не мог похвастаться таким полевым опытом. Никто не знал о Македонии Филиппа больше, чем этот кандидат наук в замызанной хламиде.

Антон вернулся.

— Валерий Сергеевич, — сказал он, снова усаживаясь на перевернутый горшок, — можно вопрос?

Мамаев, уже поднесший кувшин к губам, замер. Его брови — тонкие, с проседью — поползли вверх. Он явно не ожидал, что сменщик задержится. Обычно они торопились уйти — то ли брезговали, то ли боялись, то ли просто хотели поскорее выполнить задание и вернуться домой. А этот сидел и смотрел. С интересом. Не с жалостью — с интересом. Мамаев отвык от такого взгляда.

— Валяй, — сказал он, опуская кувшин. — Спрашивай,

пока я еще в состоянии отвечать.

Антон помедлил, подбирая слова. Он смотрел на Мамаева и мысленно фиксировал детали — привычка, выработанная годами. *«Запись номер восемь. Объект: Мамаев Валерий Сергеевич. Кандидат исторических наук. Возраст: около сорока пяти. Внешность: запущенная, но следы интеллекта видны. Глаза: красные, но не мутные — острые. Руки: дрожат, но пальцы музыканта или хирурга. Противоречие: пьет, но не спился. Страдает, но не сломлен».*

— Вы знали моего отца? — спросил Антон.

Мамаев моргнул. Этого вопроса он не ожидал.

— Как фамилия?

— Пыжиков. Антон Пыжиков. Мой отец — Виктор Пыжиков. Он был историком. Работал на ОВиР. Погиб десять лет назад в экспедиции.

Мамаев медленно поставил кувшин на землю. Его лицо изменилось — ушла расслабленность, ушла пьяная поволока. Он смотрел на Антона так, будто видел его впервые.

— Виктор Пыжиков, — повторил он. — Да. Я знал его. Мы вместе работали. Здесь. В Пелле.

У Антона перехватило дыхание.

— Вы были с ним? Когда он...

— Нет. — Мамаев покачал головой. — Я был в резерве. На точке перехода. Он ушел один. Сказал, что должен кое-что проверить. И не вернулся. — Он замолчал, глядя на свои руки. — Его тело нашли через три дня. В горах. Официаль-

ная версия — сердечный приступ. Но я видел тело. У него были сломаны пальцы.

Тишина. Где-то в мастерской стучал молоток — гончар работал. Кричал осел. Воробьи дрались из-за крошек на земле. Антон не слышал ничего.

— Пальцы, — повторил он.

— Да. Все десять. Сломаны в суставах. Кто-то пытал его перед смертью. — Мамаев поднял глаза. — Я написал рапорт. Его засекретили. Мне сказали: «Не лезь, Мамаев. Это не твое дело». А через месяц меня самого отправили сюда. В долгосрочную командировку. Без объяснения причин.

— Вы думаете, это связано?

— Я думаю, — сказал Мамаев, — что твоего отца убили. И я думаю, что меня убрали с глаз долой, чтобы я не задавал вопросов. — Он взял кувшин и сделал глоток — не жадный, не поспешный, а медленный, задумчивый. — Я не спился, Антон. Я пью, но не так, как ты думаешь. Я пью, чтобы сохранить рассудок. Здесь, в этом мире, без вина можно сойти с ума. Оно притупляет... не страх. Чувство бессилия.

Антон смотрел на него и видел, как меняется лицо Мамаева. Это не был пьяница. Это был человек, доведенный до отчаяния, но не сдавшийся. Человек, который продолжал думать, анализировать, наблюдать — даже когда все его бросили.

— Почему вы не вернулись? — спросил Антон.

— Потому что мне не дали. — Мамаев горько усмехнул-

ся. — Командировочный лист не закрыт. Отметки нет. Без отметки портал не откроется. А тот, кто должен поставить отметку, — Кузьма Ефимович — не ставит. Я посылаю запросы. Десятки запросов. Ответ один: «Ждите распоряжения». Я жду уже год. — Он отхлебнул еще. — Знаешь, что самое смешное? Я мог бы сбежать. Мог бы попытаться открыть портал сам. Но я остался. Потому что здесь я хоть что-то могу узнать. Там, в институте, меня ждет кабинет, папки и забвение. А здесь — здесь я могу наблюдать. Записывать. Анализировать. Может быть, когда-нибудь мои записи попадут к тем, кто сможет ими воспользоваться.

— Что вы узнали? — спросил Антон.

Мамаев посмотрел на него долгим, оценивающим взглядом. Так смотрят, когда решают, можно ли довериться.

— Много, — сказал он наконец. — Очень много. Я знаю, что Филипп — не просто царь. Он гений. Военный, политический, организационный. Он на голову выше всех, кого я изучал в университете. Он чувствует людей. Он смотрит на тебя — и видит насквозь. Если он заметит тебя — не лги. Он все равно узнает правду. Лучше скажи часть правды — это сойдет его с толку.

— А Аристотель?

— Аристотель — умнейший человек из всех, кого я встречал. Но он в ловушке. Филипп держит его при себе — отчасти как учителя для сына, отчасти как заложника. Аристотель хочет заниматься наукой, а вынужден участвовать в по-

литике. Он несчастен. Но он не сломлен. Он пишет. Много. То, что он пишет сейчас, изменит мир — если уцелеет.

— А Александр?

Мамаев замолчал. Он долго смотрел на свои руки, потом на небо, потом снова на Антона.

— Александр, — сказал он тихо, — это самое страшное, что я здесь видел. Ему семнадцать. Но он уже понимает то, что взрослые мужи не понимают. Он слушает Аристотеля, наблюдает за отцом, впитывает все, как губка. И он хочет большего. Не просто завоевать мир — он хочет его переделать. Построить что-то новое. Он еще не знает, что именно. Но когда узнает... — Мамаев покачал головой. — Я не хотел бы быть его врагом.

— Вы говорите о нем так, будто боитесь.

— Я не боюсь, — сказал Мамаев. — Я восхищаюсь. И это хуже страха. Потому что страх заставляет бежать. А восхищение — оставаться и смотреть. Даже когда знаешь, что это опасно.

Он допил вино и поставил кувшин на землю.

— Послушай, Антон. Твой отец был хорошим человеком. Он не должен был умереть. И я не знаю, кто его убил — Филипп, кто-то из его людей или кто-то из наших. Но я знаю одно: он что-то узнал. Что-то, за что его убили. Если ты хочешь найти правду — ищи здесь. В Пелле. В архивах. В разговорах. Может быть, Аристотель что-то знает. Может быть, Кратер. Может быть, сам Филипп.

— А вы? Вы поможете?

Мамаев посмотрел на него долгим взглядом, и в его красных глазах мелькнуло что-то похожее на прежнего ученого — того, кто когда-то сидел в архивах и писал кандидатскую, кто спорил с коллегами о датировке битв, кто верил, что наука может изменить мир.

— Я помогу, — сказал он. — Но учти: я здесь уже год. Я знаю этих людей. Я знаю, на что они способны. Если ты встанешь у них на пути, они тебя сломают. Как сломали твоего отца. Как почти сломали меня. — Он поднял кувшин, но тот был пуст. — Я не спился, Антон. Я просто ждал. Ждал, пока появится кто-то, кому можно передать то, что я знаю. Может быть, ты — этот кто-то.

Антон встал.

— Я вернусь, — сказал он. — После Аристотеля. Мы еще поговорим.

— Возвращайся, — сказал Мамаев. — Если сможешь.

Антон вышел за ворота гончарной мастерской. Солнце поднялось уже высоко, но ветер все так же гнал по улицам пыль и сухие листья. Где-то вдалеке, за кипарисовой рощей, его ждал Аристотель — великий философ, учитель Александра, человек, который через две тысячи лет будет стоять на обложках учебников.

Но сейчас Антон думал не о нем. Он думал об отце. О сломанных пальцах. О засекреченном рапорте. О Мамаеве, который пил не для того, чтобы забыть, а для того, чтобы

помнить. И о том, что сказал старый историк: «Здесь я хоть что-то могу узнать».

*«Запись номер девять. Мамаев — не пьяница. Он — хра-
нилище. Он сохранил себя, потому что верил: кто-то при-
дет. Теперь я здесь. И я должен узнать правду. Об отце. О
том, что здесь произошло. О том, что Кузьма Ефимович
скрывает».*

Он поправил амулет на шее и пошел к городским воротам.

Где-то во дворце на акрополе царь Филипп, хромая и бра-
нясь, требовал к себе писчика Гермиппа, чтобы проверить,
как ведется учет «прикомандированных чужеземцев».

Счет пошел на часы.

Глава 4. Стагирит

Дорога к Ликею заняла больше часа.

Антон вышел через северо-восточные ворота Пеллы — массивные, обитые бронзовыми листами, с двумя квадратными башнями по бокам. Стражники у ворот, два бородастых македонянина в кожаных панцирях и бронзовых шлемах, скользнули по нему равнодушными взглядами. Чужеземец в сером хитоне, идет пешком, без оружия, без товаров — ничего интересного. Антон старался не смотреть им в глаза и не ускорять шаг. Мамаев сказал: «Если встретишь стража — сворачивай». Но сворачивать было некуда.

За воротами город сразу кончился. Пелла не имела долгих предместий — здесь не было бесконечных гончарных и кожевенных мастерских, какие тянулись вдоль дорог в Афинах или Коринфе. Македонская столица обрывалась резко, как будто кто-то провел линейкой: здесь город, здесь поле. Сразу за стеной начинались пастбища — вытоптанная овцами трава, редкие кусты терновника, каменистые проплешины. Ветер здесь дул сильнее, и Антон порадовался шерстяному хитону и плотной хламиде.

Дорога была грунтовая, но хорошо укатанная — видно, что по ней часто ездят. Колес от повозок глубоко врезались в сухую землю, и Антон шел по краю, стараясь не споткнуться. Вдоль дороги тянулись оросительные каналы — македонские

цари потратили немало сил на осушение болот вокруг Пеллы, и теперь здесь росли ячмень и полба. Но сейчас, осенью, поля были пусты — только стерня торчала из сухой земли, и стаи ворон бродили по пашне, выклеывая последние зерна.

Небо над головой было бледно-голубым, выцветшим от долгой жары, которая закончилась только в прошлом месяце. Сейчас жара спала, но солнце все еще пекло, и Антон чувствовал, как по спине под хитоном стекает пот. Сандалии натерли левую пятку — он чувствовал, как надувается мозоль, горячая и болезненная.

Он шел и думал о Мамаеве. О том, что сказал старый историк: «Я не спился. Я просто ждал». И еще: «Твоего отца убили. У него были сломаны пальцы».

«Запись номер десять. Отец был здесь. Он ходил по этой дороге. Он видел эти поля. Он, возможно, говорил с теми же людьми, с которыми предстоит говорить мне. А потом его пытали и убили. Кто? За что? И знает ли Кузьма Ефимович?»

Мамаев сказал: если встретишь Филиппа — не лги. Он все равно узнает правду. Лучше скажи часть правды. Антон не был уверен, что способен на такое. Он был физиком, а не разведчиком. Его учили решать уравнения, а не вербовать агентов. Но теперь, кажется, жизнь требовала от него совсем других навыков.

Дорога пошла в гору. Пастбища сменились редкой рощей — дубы, ясени, дикие груши с мелкими, сморщенными пло-

дами, которые никто не собирал. Потом начались кипарисы.

Их было видно издалека. Темно-зеленые, почти черные на фоне бледного неба, деревья стояли плотной стеной, как солдаты в строю. Антон никогда не видел столько кипарисов сразу. Они пахли — горько, смолисто, сильно, и этот запах перебивал даже вездесущую пыль. Под ногами была не земля, а ковер из опавшей хвои — мягкой, пружинящей, скрадывающей шаги.

За рощей открылся Ликей.

Антон ожидал увидеть что-то вроде храма. Мраморные колонны, статуи, надписи на фронте. Учебники и документальные фильмы приучили его к мысли, что греческая архитектура — это белый камень и совершенные пропорции.

Ликей был не таким.

Это был комплекс зданий, окруженный невысокой каменной стеной, — скорее усадьба, чем школа. Главное здание, одноэтажное, с черепичной крышей и деревянным портиком, было построено из того же сырцового кирпича, что и дома в Пелле. Колонны портика были деревянные, оштукатуренные и расписанные под мрамор — но краска облупилась, и видно было дерево. Вокруг главного здания располагались постройки поменьше: что-то вроде общежития, кухня, баня, небольшой храм с алтарем. За стеной виднелся сад — ровные ряды олив, гранатовые деревья, какие-то грядки с травами. Дорожки между зданиями были посыпаны мелким гравием, который хрустел под сандалиями.

Пахло здесь не пылью и дымом, как в городе, а травами, маслом для светильников и сыростью от близкого ручья. Где-то журчала вода — видимо, источник, отведенный в каменный желоб. Антон услышал голоса: несколько юношей в коротких хитонах сидели в тени портика и что-то обсуждали. Один из них, заметив Антона, поднялся и пошел к нему.

— Χαίρε, ξένε, — сказал он. — Τί ζητεῖς;

Амулет на шее Антона запульсировал, и через мгновение слова стали понятны. «Здравствуй, чужеземец. Что ищешь?»

— Аристотеля, — ответил Антон. — У меня послание для него.

Юноша оглядел его с головы до ног — без враждебности, но с любопытством. Послания для Аристотеля были не редкостью: философ переписывался со множеством людей по всей Ойкумене. Но обычно послания привозили на мулах, в кожаных сумках, с охраной. Этот же чужеземец пришел пешком, в простом хитоне, и у него не было ни сумки, ни оружия.

— Откуда ты? — спросил юноша.

— Из Фессалии, — сказал Антон, следуя совету Мамаева.

Юноша кивнул. Фессалия была известна своими лошадьми и туповатыми жителями. С фессалийца спрос невелик.

— Иди за мной.

Они прошли через портик во внутренний двор. Здесь, в тени старого платана, стояло несколько скамей и большой

деревянный стол, заваленный свитками и восковыми табличками. Вокруг стола было расставлено пять или шесть клине — невысоких каменных лож, покрытых овечьими шкурами. На одном из них, полулежа, с папирусом в руке, находился человек.

Антон сразу понял, что это Аристотель.

Он был не таким, как на бюстах. Бюсты, которые Антон видел в учебниках, изображали солидного мужа с окладистой бородой и спокойным, мудрым взглядом. Реальный Аристотель оказался худощавым, жилистым человеком лет пятидесяти, с короткой, аккуратно подстриженной бородой, в которой уже серебрилась седина. Одет он был в простой белый хитон — без вышивки, без украшений, только пояс из тонкой кожи. Сандалии его стояли рядом на земле, он был бос.

Но главное, что поразило Антона, — это глаза. Глаза у Аристотеля были не мудрые и спокойные, а быстрые, цепкие, перебегающие с предмета на предмет. Он не смотрел — он сканировал. Каждое движение, каждую деталь одежды, каждую складку на лице собеседника. Антон почувствовал себя под микроскопом.

И еще — он вспомнил отца.

«Запись номер одиннадцать. Аристотель. Живой. Отец цитировал его постоянно. "Аристотель сказал...", "Аристотель писал...". Я думал, что знаю этого человека. Но я знал только тень. А теперь передо мной оригинал. И он смотрит

на меня так, будто уже что-то понял».

— Учитель, — сказал юноша, — этот человек из Фессалии принес тебе послание.

Аристотель отложил папирус и сел прямо.

— Из Фессалии? — переспросил он, и в его голосе Антону послышалось легкое сомнение. — Любопытно. Подойди.

Антон подошел. Он вдруг осознал, что не знает, как правильно приветствовать великого философа. Кланяться? Встать на колени? Пожать руку? Аристотель заметил его замешательство и усмехнулся — не обидно, а скорее по-отечески.

— Не нужно церемоний, — сказал он. — Здесь не дворец. Здесь Ликей. Мы тут ходим босиком и спорим до хрипоты. Если ты принес послание — давай его.

Антон достал папирус, свернутый в трубку и обернутый полиэтиленом. Полиэтилен он снял и сунул обратно под хламиду — показывать его было нельзя, пункт 2 инструкции. Папирус он протянул Аристотелю.

Философ взял свиток. Его пальцы — длинные, с аккуратными ногтями, без чернильных пятен — быстро развязали шнурок. Он развернул папирус и начал читать.

Несколько секунд он читал молча. Антон ждал взрыва — такого, как описывал Мамаев: крики, беготня, требования писать ответ. Но взрыва не последовало. Брови Аристотеля сдвинулись, губы сжались в тонкую линию. Он дочитал до конца, аккуратно свернул папирус и положил его на стол. По-

том снял сандалии, которые стояли рядом, и начал их надевать — медленно, тщательно, как будто собирался куда-то идти.

— Твой начальник, — сказал он тихо, — прислал тебя с этим?

Антон моргнул.

— Да, учитель.

— Он что, считает, что у меня нет других дел, кроме как спорить с покойником?

В голосе Аристотеля звучала не ярость — усталая ирония. Антон открыл рот, но не нашелся что сказать.

— Платон умер пять лет назад, — продолжал философ. — Я был на его похоронах. Я стоял у его ложа и держал его за руку, когда он выпускал последний вздох. А теперь мне присылают рецензию от его имени. Свежую. С аргументами, которых он никогда не приводил. — Он поднял глаза на Антона. — Как будто я мальчишка, которого можно отвлечь игрушкой. Как будто я не понимаю, что это подделка.

Антон молчал. Его сердце колотилось. Кузьма Ефимович говорил, что папирус — от Платона. Но Аристотель раскусил обман с первого взгляда.

— Ты знал? — спросил философ.

— Нет, — честно сказал Антон. — Мне сказали: передать папирус. Я не читал.

— Не читал. — Аристотель покачал головой. — Ты похож на другого человека, который приходил сюда десять лет на-

зад. Он тоже не читал. Но он, по крайней мере, догадывался.
— Философ прищурился. — Как твое имя?

— Антон. Антон Пыжиков.

Аристотель замер. Его рука, поправлявшая сандалию, остановилась на полпути.

— Пыжиков, — повторил он. — Виктор Пыжиков. Твой отец?

У Антона перехватило дыхание.

— Да.

— Я так и подумал. — Аристотель закончил завязывать сандалию и встал. — У тебя его глаза. И его манера стоять — как будто ждешь удара, но не хочешь показывать, что боишься.

— Вы знали его?

— Знал. — Аристотель отошел к столу и налил себе воды из глиняного кувшина. — Он был здесь три дня. Говорил со мной о многом. О будущем, которого вы боитесь. О прошлом, которое мы теряем. О царе Филиппе. — Он сделал глоток. — А потом ушел — и не вернулся. Я слышал, его нашли в горах.

— Его убили, — сказал Антон. — Ему сломали пальцы.

Аристотель поставил чашу на стол. Его лицо стало жестким.

— Я знаю, — сказал он. — И я знаю, что царь не приказывал. Царь был в ярости, когда узнал. Он уважал твоего отца. А Филипп редко кого уважает.

— Кто тогда?

— Этого я не знаю. — Аристотель подошел ближе. — Но я знаю, что твой отец искал кого-то. Он говорил: «Есть человек в институте. Он хочет, чтобы Филипп победил. Он использует нас всех». — Философ помолчал. — Твой отец был близок к тому, чтобы узнать имя. Возможно, поэтому его убили.

Антон стоял, не в силах пошевелиться. Все, что говорил Аристотель, совпадало с тем, что он прочитал в письме отца. Значит, это правда. Значит, отец действительно был на пороге разгадки — и кто-то заставил его замолчать.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросил он.

— Потому что ты — его сын. — Аристотель посмотрел на Антона долгим взглядом. — И потому, что я устал. Устал от людей, которые приходят и уходят, не задерживаясь. Устал от папирусов, которые ничего не значат. Устал от того, что меня держат здесь, как ручного зверька, и думают, что я не замечаю. — Он положил руку на плечо Антону. — Ты хочешь узнать правду? Оставайся. Помоги мне понять, что здесь происходит. А я помогу тебе.

— Как?

— Я знаю людей, с которыми говорил твой отец. Кратера. Пармениона. Даже царицу Олимпиаду. Если кто-то знает, кто за этим стоит, — они знают.

— Но царь... Мамаев сказал: если Филипп узнает, что я здесь...

— Филипп уже знает. — Аристотель усмехнулся. — У него везде глаза. Если ты еще жив, значит, он позволил тебе жить. А это значит, что ты ему зачем-то нужен.

Антон сглотнул. Он не знал, что пугало его больше: то, что Филипп знает о нем, или то, что он, возможно, нужен царю.

— Я останусь, — сказал он. — Но у меня есть поручение. Я должен передать папирус и вернуться.

— Папирус ты передал. — Аристотель взял со стола свиток и развернул его еще раз. — Хотя это не Платон, здесь есть интересные мысли. Кто-то потрудился. Я напишу ответ — не Платону, а тому, кто это сочинил. Возможно, он поймет, что я не так глуп, как ему хотелось бы.

Он повернулся к ученикам.

— Каллисфен! Принеси папирус и чернила. Мы будем писать.

Потом снова посмотрел на Антона.

— Ты пока отдохни, Антонос. И не пытайся сбежать. Мои ученики все равно тебя найдут. У них хорошая память на лица. А вечером мы поговорим. О твоём отце. О твоём мире. О том, что здесь происходит.

Антон сел на скамью под платаном. Его сердце колотилось. Кратер. Парменион. Олимпиада. Отец был здесь, среди этих людей. Он дышал этим воздухом, ходил по этому двору, говорил с этим философом. И он был на пороге разгадки.

«Запись номер тринадцать. Аристотель знал отца. Отец искал человека в институте, который хочет, чтобы

Филипп победил. Он был близок. И его убили. Теперь я здесь. И я узнаю. Чего бы это ни стоило».

Он закрыл глаза. Вокруг шумели ученики, скрипели стилосы по воску, кричали воробьи. Пахло кипарисом, пылью и старым папирусом. Где-то в этом городе, во дворце на акрополе, сидел человек, который, возможно, знал правду. И Антон должен был встретиться с ним лицом к лицу.

Где-то в Пелле, во дворце на акрополе, писчик Гермипп, дрожа от страха, докладывал царю Филиппу о том, что в городе снова появились «прикомандированные чужеземцы».

Где-то в гончарной мастерской Мамаев сидел над пустым кувшином и смотрел на свой командировочный лист с пустой графой «убытие».

А где-то далеко-далеко, в подвале исторического факультета, Кузьма Ефимович перебирал папки и мурлыкал себе под нос старый советский марш. Он знал, что делает. Он всегда знал.

Часть вторая: ХОЗЯЙСТВО ЦАРЯ

Глава 5. Плохое настроение Филиппа

Царь Филипп II Македонский проснулся в дурном настроении.

Это не было чем-то необычным. Его характер, закаленный в битвах, осадах и дворцовых интригах, редко располагал к благодушию. Но сегодня все было хуже обычного. Старая рана на бедре — память о кабане, убитом десять лет назад в горах Линкестиды, — ныла так, будто зверь только вчера вспорол ему плоть клыком. Филипп знал, что это значит: погода меняется. С гор дул Вардар, неся с собой холод и сырость, и бедро чувствовало приближение зимы раньше, чем любой оракул.

Он сел на ложе, свесив ноги на каменный пол, покрытый шкурой линкестийского медведя. Медведь был старый, шкура потертая, с проплешинами, но Филипп не позволял ее менять. Он убил этого медведя в первый год своего царствования, когда Македония была слабой, раздробленной, окруженной врагами. Тогда он еще мог ходить без хромоты. Тогда у него было два глаза.

Сейчас, двадцать три года спустя, Македония была сильнейшим царством Эллады. Враги боялись ее, союзники за-

искивали. Но глаз не вернешь, и бедро не вылечишь, и каждое утро начинается с одного и того же: с глухой, ноющей боли и с мысли о том, что тело, некогда бывшее совершенным орудием войны, постепенно превращается в развалину.

— Вина! — крикнул он.

Слуги засуетились. Мальчик-фригиец, любимый раб-виночерпий, которого Филипп купил три года назад на рынке в Амфиполе, подбежал с серебряным кубком. Вино было разбавлено — одну часть воды на две части вина, как предписывали врачи. Филипп выпил залпом, поморщился и швырнул кубок обратно. Мальчик поймал его на лету — привык.

— Холодное, — проворчал царь. — И кислое. В прошлом году вино было лучше.

— В прошлом году был хороший урожай, басилевс, — осмелился заметить слуга.

— А в этом году плохой, потому что боги гnevаются? Или потому что мой виноградарь — безрукий идиот?

Слуга благоразумно промолчал.

Филипп встал, морщась от боли в бедре. Он был невысок ростом, но кряжист и широкоплеч. Годы и раны не согнули его, а только спрессовали — так спрессовывается уголь, превращаясь в алмаз. Его борода, некогда рыжая, теперь была почти седой, но волосы на голове оставались густыми. Он носил их коротко, по-военному. Одевался он просто, без царской роскоши: шерстяной хитон, кожаный пояс с бронзовой пряжкой, высокие сапоги-эндромиды на меху. Един-

ственным признаком царского достоинства была массивная золотая цепь на шее — подарок афинского посольства, — да перстень с печатью на правой руке.

Он подошел к окну — вернее, к бойнице, прорезанной в толстой стене дворца. Отсюда был виден внутренний двор: конюшни, казармы, тренировочная площадка, где уже звенели мечи. Его воины упражнялись даже в такую рань. Это было правильно. Македонская фаланга была лучшей в мире не потому, что македоняне рождались воинами, а потому, что они тренировались каждый день, независимо от погоды, настроения и воли богов.

Филипп смотрел на тренировку и думал о Фивах.

Поездка сорвалась из-за дурацких предзнаменований. Жрецы зарезали барана, осмотрели печень — и нашли пятна. «Дурной знак, басилевс. Поездку нужно отложить». Филипп не верил в предзнаменования так, как верили простолюдины, — он слишком хорошо знал, что жрецам можно заплатить, а печень можно подпортить. Но армия верила. И советники верили. И он вынужден был подчиниться — не богам, а политической необходимости. Ничто так не подрывает боевой дух, как слухи о том, что царь пренебрег волей Зевса.

Теперь он сидел в Пелле, когда должен был быть в Фивах. И это злило его больше, чем боль в бедре.

— Гермиппа! — рявкнул он. — Позвать Гермиппа!

Писчик Гермипп явился через десять минут, и выглядел он так, будто его всю дорогу били палками. Маленький, лы-

сеющий, с нервным тиком в левом глазу и пальцами, вечно испачканными чернилами, он больше напоминал мышь, чем человека. Его должность называлась «эпистат над ксенами и дорами» — надзиратель за чужеземцами и дарами, — но на деле он был кем-то вроде захвоста по работе с «прикомандированными». С теми самыми странными людьми, которые время от времени появлялись в Македонии неизвестно откуда, несли какую-то чушь про «командировки» и «отметки», и оставляли после себя горы непонятного баракла.

Гермипп боялся Филиппа до дрожи в коленях. Он боялся его гнева, его голоса, его единственного глаза, который, казалось, видел насквозь. Но еще больше он боялся запутаться в бумагах. А бумаг становилось все больше.

— Докладывай, — сказал Филипп, не оборачиваясь. Он все еще стоял у окна, наблюдая за тренировкой.

— Басилевс... — начал Гермипп, и его голос предательски дрогнул. — Я составил реестр, как ты велел. Прибывшие за последний год. Их... их много.

— Что значит «много»? — Филипп повернулся. — Десять? Двадцать?

— За год — семнадцать, — сказал Гермипп, сверяясь с восковой табличкой, которую он сжимал в руке. — Но если считать с того, первого... с того, который назвался Мамаевым... всего выходит около сорока.

— Сорок? — переспросил Филипп. — В моем городе побывало сорок чужеземцев из Аида, и ты молчал?

— Я не молчал, басилевс! — взмолился Гермипп. — Я подавал доклады! Но мне сказали — «ждать распоряжения». А распоряжения не было. И я ждал.

Филипп подошел к писчику вплотную. Гермипп был на голову ниже царя и сейчас съежился так, что казался еще меньше. От Филиппа пахло вином и звериной шкурой — тяжелый, мужской запах, который перебивал даже запах чернил.

— Ты ждал, — медленно произнес царь. — Ты ждал, пока чужаки из другого мира бродят по моему городу, пьют мое вино, трахают моих шлюх и оставляют после себя непонятное барахло. Ты ждал, пока они шлют донесения своим хозяевам — кому? Персам? Афинянам? Демонам преисподней? — и ты ничего не делал.

— Я... я не знал, что делать, басилевс! — взвыл Гермипп. — Комнаты засланных подарков переполнены! Я не знаю, куда складывать! Циркуляры, которые они приносят, написаны на неведомом диалекте! Я не могу их даже прочесть! А вчера этот... который называет себя Мамаевым... он прислал мне табличку с требованием «продлить регистрацию»! Что такое регистрация, басилевс? Я не знаю такого слова!

— Мамаев, — проговорил Филипп. — Это тот пьяница, что живет у гончара?

— Он самый, басилевс. Он уже год здесь. И он не платит пошлину. И он говорит дерзости. И от него пахнет, как из винной бочки.

Филипп задумался. Он помнил Мамаева. Прошлой весной, когда царь еще не утратил терпения в отношении «прикомандированных», он лично допрашивал этого человека. Мамаев лепетал что-то про науку, про изучение истории, про то, что он «не вмешивается». Филипп тогда был в хорошем настроении и отпустил его — просто потому, что пьяный историк не казался опасным. Но теперь...

— Ладно, — сказал он. — С этим я разберусь позже. А сейчас покажи мне подарки.

Гермипп побледнел.

— Басилевс, я не советую... Там... там беспорядок. И запах. И вообще...

— Покажи, — повторил Филипп таким тоном, что писчик перестал спорить.

Комнаты засланных подарков располагались в бывшем андроне — пиршественном зале, который перестали использовать после того, как построили новый, более просторный. Старый андрон был мрачным помещением без окон, с единственной дверью и каменными ложами вдоль стен. Сейчас эти ложа были завалены бараклом.

Филипп вошел и замер. Даже его, человека, видевшего разграбленные города и поля после битв, это зрелище впечатлило.

Чего здесь только не было.

Стопки каких-то книг в твердых обложках — не свитков, а именно книг, сшитых из бумажных листов. Их принесли

трое «прикомандированных» в прошлом году и сказали, что это «методички по технике безопасности». Гермипп, не зная, что с ними делать, сложил в угол, и теперь они гнили от сырости. Рядом валялись коробки с непонятными предметами: стеклянные колбы, металлические трубки, мотки проводов, какие-то пластинки с блестящими дорожками. Пачка шариковых ручек, которые никто не умел использовать. Сломанный примус, воняющий керосином. Пластиковый скелет для анатомического театра, который пугал рабов до икоты. Моток изоленты. Резиновые перчатки. Консервная банка с надписью «Тушенка. ГОСТ. 1987», которую Гермипп считал священным сосудом и не позволял трогать.

На отдельном ложе, как на алтаре, лежали часы. Их было много — штук двадцать, разных размеров и форм. Механические, электронные, кварцевые. Одни тикали. Другие молчали, у них сели батарейки. Третьи показывали время, которое Гермипп не мог расшифровать. Циферблаты с римскими цифрами, с арабскими, со стрелками и без. Один хронометр, водонепроницаемый, до сих пор работал и каждые полчаса издавал мелодичный писк, от которого у Гермиппа начинался нервный тик.

Филипп подошел к ложу с часами. Он взял одни — маленькие, на пластиковом ремешке, с цифрами, которые светились тусклым оранжевым светом. Он нажал какую-то кнопку — и часы запищали. Филипп от неожиданности чуть не выронил их.

— Что это? — спросил он.

— Никто не знает, басилевс, — пролепетал Гермипп. — Мы думали — это магия. Но жрецы сказали, что магией здесь не пахнет. Тогда мы подумали — это живое. Но оно не ест, не пьет и не размножается. Тогда...

— Довольно, — оборвал его Филипп.

Он смотрел на часы, и его единственный глаз сузился. Маленькая вещь. Легкая. Светится без огня. Пищит, как живая. Не золото, не серебро, не бронза. Материал, которого он никогда не видел.

— Опять дали какую-то поломанную игрушку, — проговорил он сквозь зубы. — Они думают, что я дикарь. Что я буду радоваться блестящей безделушке, как ребенок. Они присылают мне сломанные механизмы, дрянные книги и вонючие мази. Они смеются надо мной.

Он сжал часы в кулаке. Пластик хрустнул, экран погас. Филипп швырнул обломки в угол.

— Кто еще знает об этих комнатах? — спросил он.

— Только я, басилевс. И рабы, которые переносили вещи. Но они немые.

— Хорошо. — Филипп прошелся по залу, пиная коробки и тюки. — Значит, так. Всех «прикомандированных», которые сейчас в городе, — переписать. Поименно. Где живут, с кем говорят, что носят. Мне нужен полный список.

— Список... — Гермипп судорожно кивнул, делая пометку на восковой табличке. — Будет сделано, басилевс.

— И найди мне того, кто принес эти, — Филипп кивнул на обломки часов. — Я хочу с ним поговорить. Лично.

— Того, кто принес эти часы... — Гермипп забормотал, роясь в памяти. — Это было... это было весной. Маленький человек, лысый, говорил с акцентом. Назвался Глебосом из Фасалиды. Он принес несколько таких штук и предлагал купить за золото. Но я не купил, и он ушел. Кажется, он до сих пор в городе.

— Найди его.

В этот момент в дверях андрона появился человек. Высокий, широкоплечий, с изрубленным шрамами лицом, которое не выражало никаких эмоций. Это был Кратер, правая рука царя. Он вошел без доклада — ему это позволялось.

— Басилевс, — сказал он. — Прибыл гонец от Аристотеля. Стагирит просит аудиенции. Говорит, у него важные новости о чужеземцах.

Филипп обернулся к Кратеру, и в его глазах вспыхнул интерес.

— Аристотель? — переспросил он. — Сам пришел? Интересно. Обычно он не выходит из своего Ликея без крайней нужды.

— Он говорит, что к нему явился новый чужеземец. Молодой, из Фессалии — так он утверждает. Но Аристотель говорит, что это ложь.

Филипп медленно улыбнулся. Это была недобрая улыбка — улыбка охотника, который почуял дичь.

— Молодой, — сказал он. — Значит, их уже двое в городе. Мамаев и этот... новенький. — Он повернулся к Кратеру. — Пусть Аристотель войдет. А ты, — кивок Гермиппу, — пока свободен. Но списки мне нужны к завтрашнему утру. И найди Глебоса. Если не найдешь — пеняй на себя.

Гермипп поклонился так низко, что чуть не упал, и попятился к выходу. У двери он споткнулся о коробку с батареями, едва не растянулся на полу и выскочил наружу, как мышь, за которой захлопнулась ловушка.

Филипп проводил его взглядом и повернулся к Кратеру.

— Ну что ж, — сказал он. — Посмотрим, что скажет старый философ. Если чужаки действительно затевают что-то серьезное... — Он не договорил, но Кратер понял без слов.

Кратер был единственным человеком в Македонии, которому не нужно было ничего объяснять. Они прошли вместе двадцать три года — с того самого дня, когда двадцатитрехлетний Филипп, только что взошедший на шатающийся трон, собрал вокруг себя горстку верных людей и начал строить армию. Кратер был среди них. Он видел, как Филипп терял глаз под Мефоной. Он нес его на щите, когда кабан разорвал ему бедро. Он знал царя лучше, чем кто-либо — возможно, лучше, чем сам Филипп знал себя.

— Ты думаешь, они опасны? — спросил Кратер.

— Я думаю, что они непонятны, — ответил Филипп. — А непонятное всегда опасно. Но мы разберемся. — Он хлопнул Кратера по плечу. — Пойдем. Аристотель ждет.

В тронном зале горели факелы. Их свет плясал на мозаичном полу, изображавшем охоту на льва, — искусная работа, привезенная мастерами из Сиракуз. Филипп сел в кресло с высокой спинкой — не на трон, он редко использовал трон, предпочитая обычное кресло, — и жестом пригласил Аристотеля войти.

Философ вошел быстрым шагом, и Филипп сразу заметил, что старик возбужден. Обычно Аристотель держался с достоинством, говорил медленно, взвешивая каждое слово. Сейчас он почти бежал, и глаза его горели — не гневом, а тем самым огнем, который Филипп помнил с тех времен, когда Аристотель еще жил при дворе и учил юного Александра.

— Басилевс! — начал он без обычных приветствий. — У меня важные новости.

— О чужеземцах, — сказал Филипп. — Я уже слышал. Кратер доложил.

— Да! — Аристотель остановился перед царем, пытаясь отдышаться. — Сегодня ко мне явился человек. Молодой, лет двадцати пяти. Назвался Антоносом из Фессалии. Но он не из Фессалии. Он говорит с акцентом, который я никогда не слышал. Его амулет — такой же, как у того пьяницы, Мамаева. И он принес мне послание.

— Какое послание? — спросил Филипп.

Аристотель замялся. Он не хотел признаваться царю, что получил разгромную рецензию от Платона. Это был личный вопрос, вопрос академической чести. Но врать Филиппу бы-

ло бессмысленно.

— Послание от Платона, — сказал он. — Из Академии. Рецензия на мою «Никомахову этику».

Филипп расхохотался. Он смеялся громко, запрокинув голову, и факелы дрожали от его смеха.

— Платон! — выговорил он сквозь хохот. — Платон пишет тебе рецензии через чужеземцев из другого мира? Аристотель, ты ли это? Великий философ, учитель моего сына, получает научные споры через посланцев Аида?

— Это не Аид, басилевс, — серьезно сказал Аристотель. — Я думаю... я думаю, это другое время.

Смех Филиппа оборвался. Он подался вперед, и его лицо стало жестким.

— Что ты сказал?

— Другое время, — повторил Аристотель. — Я давно подозревал. Эти люди — они не боги и не демоны. Они — смертные, такие же, как мы. Но они приходят не из далеких земель. Они приходят из будущего. Из того, что будет через много веков после нас.

В зале наступила тишина. Трещали факелы. Где-то в углу скреблась мышь. Филипп смотрел на Аристотеля, и его единственный глаз был похож на раскаленный уголь.

— Из будущего, — проговорил он. — Значит, там, в будущем, Македония еще существует? Или они приходят на руины?

— Не знаю, — честно сказал Аристотель. — Но я знаю

одно: у них есть наука, которая нам недоступна. Их вещи — не магия. Это техника. Механика, превзошедшая нашу настолько, что кажется чудом. И если мы сможем понять их... если мы сможем использовать их знания...

— То мы станем непобедимы, — закончил Филипп.

Он встал. Подошел к карте, разложенной на столе, — большой, на бычьей коже, изображавшей Ойкумену от Геркулесовых столпов до Инда.

— Значит, так, Аристотель, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты хочешь изучать этих людей. Я хочу их допросить. У тебя — наука. У меня — война. Предлагаю сделку: ты помогаешь мне понять, что они могут дать для войны, а я даю тебе доступ к их вещам и к ним самим.

Аристотель колебался. Он знал, что сделка с Филиппом — это сделка с дьяволом. Царь не остановится, пока не выжмет из чужеземцев все, что можно, а потом избавится от них, как от выжатого лимона. Но искушение было слишком велико. Вещи из будущего! Знания, опередившие его время на тысячи лет! Ради этого можно пойти на многое.

— Согласен, — сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.